

Я бреду по дороге судьбы,

Я держусь, чтобы не оглянуться...

Уже мало сказать «прости»,

Уже поздно, чтобы вернуться.

Я бреду по дороге судьбы,

Я молюсь, чтобы не ошибиться...

Словно странник, сбившись с пути,

Верный путь я пытаюсь найти...

Я бреду по дороге судьбы...

Нелегко... в кровь стираются ноги...

Разбиваются все мечты...

Мысли душат, на сердце ожоги...

Я бреду по дороге судьбы,

Пилигримом... нагим и горбатым...

Волоку с собой мех пустоты

В лживый мир из предательств и страхов.

Задушу в себе веру в людей,

Задавлю доброту и любовь...

Равнодушию у палачей

Научусь...

Прекращу быть собой.

Маскарад человеческих душ...

В мире, где не осталось тепла...

Грязь и фальшь. Этот мир, ты мне чужд...

Но в тебе растворюсь до конца.

Я бреду по дороге судьбы,

Я держусь, чтобы не оглянуться...

Уже мало сказать «прости»,

Уже поздно, чтобы вернуться.

(С) Евжения

* * *

...Гайка перекатом спрыгнула на пол, собираясь лицом к лицу встретить неведомую опасность.

Но нет.

Врагов не было.

В кафе вообще было довольно безлюдно: только в тених примостились за одним из столиков парень и девушка, похожие как брат и сестра. Оба обладали серебристыми волосами и бледно-серой нечеловеческой кожей, похожей на древесную кору. Сидели себе у дальней стены и тихо о чем-то переговаривались, попивая что-то горячее из кружек.

На вошедших они даже внимания особо не обратили.

Мышка недоуменно уставилась на ярко-желтую, одетую в простое голубое платье, пони-пегаску, что хлопотала у плиты, отгороженной от зала лишь стойкой.

Переведя взгляд на пребывающую на грани паники Дэш, Гайка удивленно спросила:

- Что? Не ожидала увидеть одну из своих сородичей?.. Ты ведь уже встречала...

Рейнбоу Дэш, сделав над собой усилие и поборов желание бежать без оглядки, как будто сумела совладать с собой после этого вопроса. Не ответив Гайке, она, опустив уши, спросила почти шепотом, не отрываясь от хлопочущей у плиты пони:

- Спитфаер?

Услышала ее желтая пегаска или нет, но она обернулась, балансируя на задних ногах, а в передних удерживая поднос с чем-то вроде жареных булочек. Стало заметно, что на ней надет еще и белоснежный фартук, малость заляпанный к концу дня.

И цепкий взгляд Рейнбоу сумел различить и грубый шрам, пересекающий поперек всю шею пони.

Гайка тоже уже хотела что-то спросить, но ее прервал грохот упавшего подноса. Парочка в углу обернулась на резкий звук, но вскоре вернулась к прерванному разговору с равнодушным видом.

Желтая пегаска же, не обращая внимания на раскатившиеся по полу вкусы, опустилась на четыре ноги и вышла из-за стойки навстречу Рейнбоу Дэш. Та тоже сделала несколько шагов вперед.

Две пони остановились в паре метров друг от друга, так удивительно похожие сейчас, несмотря на разницу в раскраске: на мордочках читалось крайнее удивление, от которого даже распахнулись крылья, и обе смотрели друг на друга широко раскрытыми глазами.

Наконец, желтая пегаска улыбнулась и спросила:

- Дэш? Дэш Вэндар? О, богини, я уже и не чаяла тебя встретить, - Спитфаер уже подалась вперед, чтобы обнять радужную пони, но та инстинктивно отшатнулась. - Прости. Никаких телесных контактов, я и забыла.

- Спитфаер, - тихо прошептала Дэш и добавила еще тише, - Хэнкок...

...Слепящий свет софитов. Ревущая толпа на трибунах, запахи пота, крови и железа - Арена.

Рейнбоу Дэш Вэндар навзничь лежит на песке, не в силах больше сопротивляться: Спитфаер Хэнкок, облаченная в сияющую броню, нависает сверху, приставив к горлу поверженной противницы закрепленный на переднем копыте длинный и прямой клинок. Бывшая наставница в своих лучших доспехах выглядит потрясающе: сверкающая, светлая и грозная.

Сражаясь с ней за чемпионский титул, Рейнбоу Дэш Вэндар очень быстро понимает, что кубок высших лиг нескольких гладиаторских арен Спитфаер заслужила честно.

Голова «плышет»: желтая пегаска несколько раз попала по шлему. При этом била плашмя, желая оглушить, а не лезвием, иначе лежать Рейнбоу на песке с мозгами наружу.

Но всем известно: Спитфаер Хэнкок не любит убивать.

Осознание того, что весь поединок желтая пегаска попросту ЩАДИЛА ее, Рейнбоу, вызывает лишь волны бессильного гнева.

И страха. Потому что стоит бросить мимолетный взгляд на трибуну, и на бесстрастном лице Алекса Вэндара можно видеть глаза, полные разочарования и гнева.

Жуткое сочетание.

И совсем не хочется думать, что жестокий человек сделает с облажавшейся воспитанницей, оступившейся в шаге от чемпионского титула.

Клинок слегка тыкается в шею Рейнбоу, когда та пытается дотянуться до лежащего в стороне ножа: единственного оставшегося оружия.

- Не балуй, ёрзик, - раздаётся из-под шлема, после чего зеркально блестящее забрало поднимается к трибунам, и пегаска повышает голос. - Каково решение зрителей?!

Бой «оранжевый» - за чемпионский титул ниже не бывает. А значит, решение о судьбе проигравшего примут зрители.

Еще раз подумав о том, КАКОЕ наказание за проигрыш ждет ее дома, Рейнбоу Дэш Вендар очень хочет, чтобы большинство пальцев жестоких людей указали вниз.

Но зрители слишком впечатлены зрелищным боем: эта сучка Спитфаер превратила поединок в настоящий спектакль.

- Жизнь! Жизнь! Жизнь! Жизнь! - ритмично скандирует толпа, и Рейнбоу обессилено вздыхает.

Ее мучения не кончатся сегодня.

Забрало позолоченного шлема поднимается, и взгляд оранжевых глаз встречается с рубиновым.

Давящий на горло клинок исчезает, когда желтая пегаска элегантно движением убирает его в ножны и опускается на четыре ноги.

- Живи, ёрзик, - говорит бывшая наставница с неизменной улыбкой. - Живи и радуйся тому, что у тебя есть. Не надо разевать рот на то, что тебе не нужно.

Рейнбоу Дэш, с трудом поднявшись на трясущиеся ноги, только злобно сжимает зубы.

Еще и издевается! Как будто не знает, что теперь Алекс сделает с Рейнбоу!

Но почему в глазах улыбающейся публике пони нет веселья, а лишь... сочувствие? Или даже скорбь?

Утешает одно: можно отыграться на малявке Скуталу, что сидит на цепи в примерке.

Рейнбоу уже успела перед боем близко познакомиться ее с хлыстом за наглость и дерзкие слова, но сейчас рыжую ждет кое-что особенное.

Может быть, за такую жестокость Алекс даже не будет слишком усердствовать с ней самой...

Каковы же были гнев и разочарование Рейнбоу, когда вместо беспомощной испортой жертвы в гримерке обнаруживаются лишь немного выпавших перьев, разорванный каким-то невероятным образом прочный кожаный ошейник и следы крови, ведущие к распахнутому окну...

...Дэш, которая больше не была Вендар, подумала, что сейчас позорным образом обратится в бегство. И будет бежать по проклятой дороге, пока остаются силы. По степи, по пустыне, через горы и болота, не обращая внимания ни на что.

Потому что невыносимо было смотреть в эти редкие для пони оранжевые глаза и не видеть ни ненависти, ни страха, ни даже банальной обиды.

После того, как первый шок прошел, Спитфаер хотя и выглядела удивленной, но все равно вела себя так, словно к ней в гости пожаловала не Дэш Вендар, а любимая младшая сестренка.

- Ну чего ты? - спросила тем временем желтая пегаска, пригладив извечную свою торчащую шевелюру. - Не узнала? Да, это я, Спитфаер Хэнкок. Ты как будто привидение увидела...

Дэш склонила голову на бок и выразительно подняла бровь.

На мордочке Спитфаер появилась чуть виноватая улыбка:

- Ах, да. Извини.

- Почему? - только и спросила Рейнбоу. - Почему из всех... именно ты?

- Ты ведь в Мире Дорог вряд ли первый день, Дэши. Наверняка уже знаешь, что к чему.

Рейнбоу обессилено прикрыла глаза. По крайней мере, не сбылся ее самый главный страх - что она встретит здесь, под двумя солнцами, маленькую рыжую пегасенку, которую чуть не превратила в свое подобие в самом худшем смысле этого слова.

И ради которой осознанно пошла на смерть.

Спитфаер вздохнула и прервала затянувшуюся паузу:

- Подумать только, Дэш... Я годами ждала тебя, думая продолжить свой Путь. И когда я уже окончательно решила, что ты не придешь, ты появляешься на пороге... - желтая пегаска нервно усмехнулась. - И теперь, когда я прикипела к этому месту, даже не знаю, что тебе сказать. И, наверное, надо признать, наконец, что никогда и никуда уже не пойду.

- Почему? - снова спросила Рейнбоу, - Это из-за меня?

Спитфаер хотела ответить, но разговор прервал тонкий голос:

- Мама! Мама!..

Раздался перестук маленьких копыт, и в дверь вбежал жеребенок-пегас в великоватом пилотском шлеме и джинсовой курточке. Огненно-рыжий. За ним летела ярко-алая взъерошенная пегасенка, белоснежная блузка которой была заляпана местной пылью.

- Флейм опять дерется! - наябедничал жеребенок, прячась за ноги Спитфаер Хэнкок.

- А Фаерстрайк дразнится! - парировала кобылка, сердитым шмелем зависнув под потолком.

Рейнбоу Дэш недоуменно уставилась на жеребят.

Известно, что синтеты бесплодны. Или производят на свет уродливых, нежизнеспособных кадавров, зачастую умирающих при рождении. Нередко - вместе с матерью.

«Дэш, не тупи, - мысленно сказала себе пегаска, - это просто найденыши... Но проклятье, как же они похожи на Хэнкок».

- Дети, - строго сказала Спитфаер, - не ссорьтесь. Лучше помогите накрыть на стол. Видите - у нас гости.

- У нас каждый день гости! - заметила кобылка, приземлившись.

Прежде, чем Дэш успела что-то сказать, Спитфаер расправила крыло и слегка шлепнула дочь по обтянутому джинсовыми шортами крупу:

- А ну, быстро! - желтая пони скосила глаза на второго пегасика, который предпочитал бегать ногами. - Тебя это тоже касается. Считайте, что это ваше наказание за драку... И да, там булочки рассыпались, соберите.

Жеребята отошли от матери, о чем-то еще вполголоса переговариваясь и иногда пихаясь крыльями. Но, судя по всему, Спитфаер знала, что делала. Совместная работа быстро помирила маленьких пони. Судя по всему, не в первый раз.

Дэш переглянулась с Гайкой, та только развела руками.

Вскоре вся компания расселась за столом. Бывшая наставница, не дожидаясь вопросов, стала рассказывать, как оказалась в этом мире, как долго скиталась под двумя солнцами, как встречала здесь умерших друзей и врагов, как находила ответы и, наконец, увидела на горизонте Белый Шпиль.

- Но тогда, - Спитфаер, сидя рядом с Дэш, снова едва удержалась, чтобы не обнять пегаску крылом, - я решила, что не пойду дальше, пока не встречу с тобой. И так уж случилось, что я обрела здесь, в этом городке, сперва дом, затем любовь, семью и, похоже, смысл... и мне, лягать, неохота это менять.

- Так все же, это загробный мир, - заключила Дэш.

Гайка посмотрела на нее с выражением лица «я же говорила», но пегаска продолжала пожирать глазами вторую пони.

Та покачала головой:

- Да не скажи. Многие родились тут, - она демонстративно взъерошила гриву сына, что как раз в подошел к столу за очередным крекером. - А вообще, знаешь, смерти нет.

- Чего? - опешила Рейнбоу.

Спитфаер осталась спокойной:

- Смерти нет, говорю. Есть поворот в пути. Одна жизнь заканчивается, начинается другая. Посмотри на себя. У тебя бьется сердце, ты дышишь, хочешь есть и спать, и даже можешь понести жеребенка, чего у нас в родном мире не было.

Дэш, которая получила ответ на незаданный вопрос о жеребятах, ощутила настоящую бурю эмоций. Ее взгляд невольно упал на огненного пегасика.

- Смерти... нет... - тихо повторила пони.

...Рейнбоу Дэш Вендар, прячась в тени узкого переулка, старательно наблюдала за интересующим ее подъездом.

Дверь кондоминиума открылась, и на улицу вышла пони-пегас, одетая в джинсы и пилотскую куртку. Ярким пятном посреди серого мира мелькнули огненно-рыжая шевелюра и ярко-желтая шерсть.

Спитфаер Хэнкок. Наставница в полетном искусстве, и та, кого до недавнего времени Дэш Вендар считала подругой...

Ровно до того момента, как на арене Спитфаер вдоволь поиздевалась над бывшей ученицей и, не нанеся ни одного удара в полную силу, тем не менее, разгромила Рейнбоу начисто.

...Мотнув головой и отогнав воспоминания, радужная пони спряталась за угол.

Она впервые в жизни вынесла из клуба свой клинок.

Глядя на поблескивающее в неверном утреннем свете лезвие, установленное на бронированный понож, пони мысленно перебирала тех, кого уже успела убить.

И кого еще предстояло.

Клинок, сверкнув на солнце, будто подмигнул хозяйке. Сегодня ему впервые предстояло испить крови вне арены.

И Рейнбоу Дэш Вендар сама поражалась своему спокойствию.

Раздался приближающийся цокот копыт: Спитфаер шла к журнальному автомату – забрать свою подписку прежде, чем расправить крылья и полететь в направлении «Пони-Плея».

Рейнбоу уже давно выучила: бывшая наставница всегда выходит из дома через дверь и за журналами идет пешком: нет смысла кружить в узком дворе. К тому же, окна квартиры Спитфаер Хэнкок выходили на другую сторону кондоминиума.

Куда удобнее было выйти через дверь прямо во двор, а потом уже пройти на улицу и взлететь там, влившись в поток флаеров.

«Вот только теперь это тебя и сгубит, сука!» – зло подумала Рейнбоу, мысленно считая секунды.

Если Спитфаер ничего не задержит, она через восемнадцать секунд окажется там, где нужно:

в двух шагах от переулка, где пряталась радужная пегаска.

«Три. Два. Один!» – мысленно сосчитала Рейнбоу Дэш Вендар и вложила в единственное усилие всю свою боль, злобу и жажду мести...

Она уже знала, что Спитфаер Хэнкок очень быстра. И сильна. И что справиться с ней в открытом бою – задача практически нереальная.

Но от атаки из-за угла не застрахован никто, верно?

Спитфаер оказалась именно там, где ждала Рейнбоу.

Лазурное копыто с закрепленным на нем ножом устремилось вперед, и коротко блеснувшее лезвие по рукоять погрузилось в шею бывшей наставницы.

Спитфаер взвилась на дыбы от неожиданности и боли, и, отшатнувшись назад, вырвала лезвие из раны.

Рейнбоу Дэш одновременно с этим дернула клинок в сторону, и алый поток хлынул на асфальт.

Огненная пегаска, сраженная подлым ударом чуть ли не на пороге собственного дома, рухнула на дорогу в быстро разрастающуюся лужу собственной крови.

Оранжевые глаза посмотрели снизу вверх на испачканную красным ученицу, и на желтой мордочке появилась слегка грустная, знакомая улыбка.

Та самая, которая сопровождала сокрушительное поражение на арене.

«Ёрзик...» – прочитала Рейнбоу по губам наставницы.

– А-а-а, ненавижу! – закричала Дэш Вендар, и стала раз за разом втыкать нож в грудь наставницы. – Сука!

Рыжие глаза потускнели быстро. Рейнбоу, оттащив тело в переулок, страшно зарычала, и изо всех сил воткнула клинок в висок Спитфаер. Композитное лезвие не сломалось, но понадобилось усилие, чтобы вытащить оружие из пробитой кости.

Теперь желтую пегаску не спас бы и полностью заряженный нанитами автодок: восстановление тканей не смогло бы сохранить личность и нейропрограмму.

По голубой мордочке скатилась было скупая слеза, но Дэш только зло хлюпнула носом, и,

расправив крылья, взлетела.

Полиции она не боялась: кому нужно устраивать расследование о синтетской поножовщине в Сером городе? А уж о кошельке и ценностях пегаски будет кому позаботиться и без Рейнбоу, так что, скорее всего, это останется очередным «висяком» в ближайшем отделении полиции.

Первое имя из списка можно было вычеркнуть.

Осталось три.

Или четыре, если Бейн Блейд Престон вздумает вякать...

Подняв глаза, Рейнбоу Дэш увидела, как Спитфаер приглаживает торчащую шевелюру:

- Вот так-то, ёрзик.

Дэш ощутимо вздрогнула, услышав свое детское прозвище.

- Почему ты ее так зовешь? - спросила Гайка, которой попросту не пришло в голову ничего умнее.

Создавалось впечатление, что Дэш себя сейчас накрутит и ринется в бой. Или наговорит гадостей, после которых останется только уйти, бормоча невнятные извинения.

- О, это долгая история, - Спитфаер подперла голову копытом. - Дэш, ты не против, если я расскажу?

Радужная пегаска покачала головой, и бывшая наставница продолжила:

- Я прозвала ее ёрзиком, потому что она никогда не отступала перед трудностями. И ни минуты не могла усидеть на месте. Только представь это радужное чудо, с детства живущее по принципам «быстрее, выше, сильнее!».

Рейнбоу снова вздохнула. Воспоминания детства теперь тоже резали ножом по сердцу.

Только две пони звали ее так. Более старшие, опытные и бывшие наставницами в чем-то важном.

Спитфаер Хэнкок и Рейнбоу Дэш Хоул.

Хотелось изгнать из памяти воспоминания обо всей боли, наивности и глупости...

И если в пещере лепрекона воспоминания не слишком волновали пегаску, что в предыдущей жизни носила прим-фамилию Вендар, то здесь, сейчас, сидя рядом с той, кто подарил ей небо, все было по-другому...

Дэш хотела забыть.

Хоть возвращайся и извиняйся перед тупым гномом, право слово.

Гайка же, сидя на столе, думала о том, как причудливо тасуются судьбы в этом мире. Она, разумеется, была знакома со Спитфаер Хэнкок. С той самой, что могла дать по боевому рейтингу клуба «Пони-Плей» сто очков вперед всем участникам.

И которая иногда специально пропускала соревнования, чтобы не слишком себя загонять. Все равно по очкам имела такой рейтинг, что попросту не могла упасть ниже третьего-четвертого места в турнирной таблице, даже если клала хвост на какое-нибудь не слишком важное соревнование.

Когда стало известно, что Спитфаер Хэнкок убили в уличной драке, это стало шоком. Рыжая чемпионка всем казалась непобедимой.

Гайка мимолетно слышала, что радужную пегаску подозревают в причастности к этой смерти, но доказательств не было.

Теперь многое вставало на места.

Но Спитфаер рассказывала совершенно о другом. О том, как по просьбе Алекса Вендара учила летать маленький радужный моторчик, в возрасте девяти биологических лет получивший кьютимарку прямо после сдачи летного экзамена. Как не могла нарадоваться на летные успехи и как переживала после того, как Рейнбоу Дэш Вендар, ее лучшая ученица, попала сперва на Арену, а затем во всей неприглядной красе познала на себе изнанку человеческого мира...

- ...А настоящую гордость я испытала после того, как она отогнала бродячего кота от гнезда с птенцами, - сказала Спитфаер, заканчивая свой рассказ. - Просто так, не надеясь на награды и дифирамбы.

- Еще как надеюсь, - сказала Рейнбоу безразличным голосом.

Впрочем, порозовевшие щеки ее выдавали. Создатели из «Хасбро» дали пони возможность

натурально краснеть, что многие находили очень трогательным. Все дело было в изменяющейся пигментации тонкой шерсти, но что самое обидное, сознательно пони не могли это контролировать.

- А как прогнала? - спросила Гайка, прерывая в зародыше спор.

- Спихнула с дерева кота, что подбирался к гнезду. Настоящего, не синтета. Сама понимаешь, пичужки ничего не могли сделать.

- Хотела, чтобы меня похвалили, - буркнула все еще краснеющая Дэш.

- Мы просто летели мимо, - продолжила тем временем рассказ Спитфаер, - когда она вдруг спикировала вниз. А потом схватилась с котом, что в ее возрасте было почти битвой на равных.

- И вовсе я не была такой мелкой тогда! - вспыхнула радужная пони.

- Да уж, - фыркнула Спитфаер, - целых тридцать шесть сантиметров в холке. Зато вышла с честью из драки, не получив даже царапины. Воистину, я могла только гордиться такой ученицей.

На мордочке Рейнбоу Дэш Вендар на одно лишь мгновение мелькнула улыбка. Воспоминания, посетившие ее, в кои-то веки не вызвали ни боли, ни сожалений.

Лишь осознание того, что бывшая наставница, даже получив от лучшей ученицы ножом по горлу, предпочитает вспоминать не это, а только хорошее, что связывало их...

Рейнбоу Дэш подняла повлажневшие глаза и, уже не в силах сдерживаться, начала всхлипывать.

- Прости меня... - сказала она настолько тихо, что огненная пони не расслышала:

- Что-что?

Но расслышала Гайка, после чего подумала, что Мир Дорог, определенно, иногда бывает слишком жестоким.

- Прости меня! - чуть ли не крикнула Дэш, чем привлекла внимание и отбежавших было поиграть жеребят, и странной парочки за дальним столом.

Неожиданно для всех, и для себя самой в том числе, Рейнбоу кинулась к бывшей наставнице в объятия под изумленными взглядами жеребят и особенно Гайки:

- Я была такой дурой... Озлобленной, испуганной... Прости...

Желтые уши Спитфаер опустились, а копыто стало гладить радужную гриву.

- Ну, ну... - успокаивающе сказала пегаска, - давно простила. Даже и не винила особо. Это был мой промах - недостаточно подготовила к тому, что ожидало тебя в жизни... Ты тоже прости меня. Я не смогла убедить тебя в намерениях Алекса до того, как он сорвался... И даже не хватило духу прекратить твои страдания, когда ты сама этого хотела...

А сидящая на столе Гайка, так и не вмешавшаяся в разговор, вздохнула и подумала, что если повезет, ей не придется подобным образом сталкиваться с собственным прошлым...

Стало не по себе.

К счастью, жеребята Спитфаер вскоре натаскали несколько подносов с супа и каши, овощей и солений. Завершали картину сыр для Гайки и сладкие булочки для Дэш.

Увидев выпечку, выпустившая из объятий бывшую наставницу радужная пегаска недоверчиво покосилась на жеребят:

- Это те плюшки, которые с пола? - уточнила она.

Судя по опустившимся ушкам и покрасневшим мордочкам, так оно и было.

Дэш посмотрела на одного смущенного жеребенка, затем на другого, и вдруг поняла, что совершенно не может на них сердиться. Да и в жизни ей приходилось есть не то что оброненную на чистый пол булочку, а натурально всякую дрянь с помоек.

Она взяла с подноса золотистую и ароматную плюшку и с удовольствием откусила. Прожевала и покосилась на все еще смущенных жеребят.

- Не парьтесь, - сказала она и со смесью неудовольствия и удивления услышала в собственном голосе циничные интонации старой Дэш Хоул, - если никто другой не успел слопать упавшую еду, значит, она чистая. Я не брезгливая.

«И не старая!» - мысленно добавила она.

- Дети, - сказала Спитфаер, сдерживая смех. - Когда я сказала «соберите булочки с пола», я не просила их подать к столу...

Жеребята еще сильнее смутились, хотя, казалось бы, куда уж больше.

При виде этих покрасневших мордочек Гайка не выдержала первой и разразилась мелодичным смехом, который мир услышал века назад, в древнем мультсериале от студии Диснея.

Потом прыснула сама Спитфаер, а под конец раздался хрипловатый смех Рейнбоу Дэш.

Этот смех как будто развеял повисшее было напряжение, заставил тревогу и обиды стыдливо убраться прочь, поджав хвост...

- Куда?! - вдруг воскликнула Дэш, заметив решивших под шумок ретироваться вместе с подносом малышей. - Не смей такую вкуснотищу выкидывать!..

...Когда же приступ веселья прошел, ненадолго воцарилось молчание, прерываемое только треском за ушами проголодавшихся пони и мыши. Спитфаер тоже ела, но больше из вежливости, и неторопливо делала небольшие глотки из чашки со сладким чаем.

Жеребята тоже не хотели есть, и принялись носиться по залу, пока хозяйка кафе снова не прогнала их на улицу. Со двора стали доноситься восторженные визги играющих детей, и Дэш находила это частью идиллической картины, особенно когда лучи желтого светила стали бить прямо в окна. Наблюдая краем глаза, как в золотом свете пляшут пылинки, бывший гладиатор вдруг подумала, что чужие судьбы тоже зачастую так: мелькнут и пропадут без следа из твоей жизни. И ведь даже не вспомнишь, где и как могла причинить кому-то боль. Или вспомнишь, но поздно.

Подумалось о тех пони, которые нашли на Арене смерть от копыт гладиатора Вендар только потому, что в этот день у Рейнбоу было более скверное настроение, чем обычно.

Жеребята иногда забегали по одному - попить. Рейнбоу хотела было сказать, что пить во время физических нагрузок не очень полезно, но потом мысленно махнула копытом. В конце концов, Спитфаер знает, что делает.

- Ты не будешь это? - вдруг вырвал ее из раздумий голос Гайки.

Пони посмотрела на мышку и увидела, что та указывает на кусочки соленого огурца, которые Дэш решительно сгребла на край тарелки.

- Нет, - ответила пегаска, - бери.

- Странно, - сказала Гайка, сгребая себе пару ароматных кусочков, - я знаю, что пони любят соль.

- А я нет, - голос Дэш враз похолодел.

В голосе пегаски прозвучала такая боль, что Гайка даже перестала есть, а огненная пегаска недоуменно уставилась на воспитанницу.

- Что случилось, Дэш? - спросила Спитфаер и увидела, как радужная пегаска в очередной раз отводит повлажневшие рубиновые глаза. - Любовь к соли у нас от лошадей, к сахару - от людей. Одно для минералов, второе для мозгов и крыльев.

Рейнбоу не ответила.

Гайка отложила миниатюрную вилку, которой орудовала, прямо по столу подошла и положила руку на копыто пегаски.

Она ничего не намеревалась спрашивать, но в этот раз Рейнбоу пояснила сама:

- Это вкус моей жизни... и моей боли. Пот - соленый, слезы - соленые, кровь - соленая, сперма - соленая... - пони заметно вздрогнула, - Ненавижу соль. Просто терпеть не могу, до тошноты.

Спитфаер молча смотрела, как Дэш пытается сдержать слезы, затем решительно отставила в сторону чашку, встала из-за стола и, подойдя к бывшей воспитаннице, обняла ее крылом.

А с другой стороны подошел уже с минуту отирающийся рядом жеребенок Фаерстрайк и молча протянул посмотревшей на него голубой пегаске большую конфету в фантике из грубой крашеной бумаги.

- Пусти! - тихо сказала Рейнбоу. - Я ведь... я ведь тебя...

- Да я помню, - кивнула Спитфаер. - Но все это осталось там, в другом мире. А тут, на Дороге, это неважно уже. Да и никогда не было важно, пожалуй.

Гайка перехватила взгляд Дэш и ободряюще улыбнулась.

Пегаска посмотрела на молча сидящего на хвосте жеребенка и, протянув копыто, взъерошила ему и без того лохматую гриву.

После чего растроганно хлопнула носом и обреченно произнесла:

- Да чтоб вас...

Спитфаер же погладила Рейнбоу по гриве и сказала:

- Кажется, чья-то ледяная броня начала подтаивать, и миру скоро вновь явится тот ёрзик,

которого я учила летать?

- Не надейся на это, - буркнула радужная пони.

Улыбка желтой пегаски стала немного покровительственной.

- Мир Дорог расставит все по местам, Дэши, - сказала она.

Рейнбоу Дэш вскинулась с твердым намерением процедить что-то вроде «почем тебе знать», но переглянулась с пегасенком, что все еще протягивал конфету, и только вздохнула.

Потом перевела взгляд на Спитфаер и увидела ровно то, о чем думала.

Бывшая наставница понимала. Как никто другой, без слов, пройдя свой путь и осознав... что?

Почему-то Дэш была уверена, что даже если спросит - не поймет ответ.

А еще бывший гладиатор чувствовала, как сердце переполняется легкостью и радостью от того, что Спитфаер, строгая и требовательная наставница, не держит зла на свою убийцу.

Радужная пегаска чувствовала, как по ее щекам текут слезы, чертя в короткой и нежной шерстке влажные дорожки.

Но это не были слезы страданий, а только облегчения. Облегчения от боли, от застарелого чувства вины за подлое убийство, совершенное в страхе и злобе.

Дэш даже подумала, не отпустить ли себя и не разреветься в голос, но потом передумала, уткнулась мордочкой в шею Спитфаер, прямо туда, где в желтой шерстке виднелся грубый шрам от плохо зажившей раны...

Шрам, который прямо сейчас медленно исчезал.

Но Дэш уже было все равно. Чувствуя, как ее обнимают Спитфаер и жеребенок, а ногу гладит маленькая ладошка Гайки, радужная пегаска тихо плакала, больше не пытаясь сдерживаться. И с каждым судорожным вздохом рассеивался еще один осколок прошлого, терзающий измученную душу.

Когда же Рейнбоу постепенно успокоилась, ей как-то даже не очень хотелось покидать теплые объятия.

Но одновременно не хотелось прослыть размазней.

- Ну все, все, - сказала она глухо, - я уже в порядке. Вы можете меня отпустить.

- Все нормально, ёрзик? - спросила желтая пегаска, глаза которой тоже оказались на мокром месте.

- Я уже давно не ёрзик, - буркнула Дэш, но потом добавила. - Но ты можешь меня так звать.

Гайка улыбнулась, но была награждена сердитым взглядом огромных глаз.

- К тебе это не относится! - резко сказала пегаска, после чего посмотрела на жеребенка. - И к тебе тоже, мелюзга!

Спитфаер, вновь покровительственно улыбнувшись, сказала:

- Польщена привилегией. Давай, ЁРЗИК, выпей чайку и все же запихай в себя немного солений.

- Да, мэ, - криво усмехнувшись, отозвалась Рейнбоу...

...Вся компания снова расселась было за столом, но Спитфаер вскоре позвали дела: в ресторанчик вошло несколько мрачных типов, и пегаска отправилась их обслужить.

Фаерстрайк тоже не задержался: в их возрасте усидеть на месте длительное время вообще было чрезвычайно сложно.

Гайка, у которой за время развернувшейся сцены тоже слезы навернулись на глаза, расселась на столе и расслабленно вздохнула.

Наконец-то Дэш вылезла из своей брони. Гайка и сама испытывала невероятное облегчение, в то время как вроде бы была и почти ни при чем.

Мышка мимолетно обернулась на еще один звук открывшейся двери, и улыбка вдруг сползла с ее лица.

Потому что неприметный человек, посетивший заведение «Вондерболтс», был Гайке очень хорошо знаком. Гораздо лучше, чем ей самой бы хотелось...

...Вошедший мужчина был совсем не молод, не очень высок и даже как-то немного нескладен, но двигался легко и в то же время неторопливо.

И Гайка отлично знала, что это очень, очень обманчивое впечатление.

Как и невеселое лицо с короткой бородкой, грустные и даже пустые водянистые глаза, выглядывающие из под полей слегка помятой шляпы.

Потому что Ловчий был убийцей. И если она, Гайка Коннорс, долгое время была глазами и ушами мистера М там, куда не было хода его обычным информаторам, то Ловчий всегда был карающей дланью. Не мечом, нет. Тонким стилетом, что проходит сквозь любой доспех.

Гайка уже видела его.

Там, в тихом и спокойном городке Витваллэ, когда он отирался около клиники доктора Салазара, и только после этого, в конце концов, поддержала идею Рейнбоу Дэш валить куда подальше.

Но теперь не оставалось сомнений, что это он.

«Я склонна согласиться с Рейнбоу Дэш, - подумала Гайка. - Нам говорили про безопасность этого мира, но ни о какой безопасности не может быть и речи, если нас преследует Ловчий».

Человек меж тем оглядел заведение и решительно направился к столу, где расположились пегаска и Гайка.

Рейнбоу, перехватив взгляд мышки, резко развернулась. Увидев Ловчего, прищурилась и сказала:

- Так, вот и гости.

К вящему удивлению Гайки, пегаска спрыгнула со стула и направилась навстречу приближающемуся человеку.

Не успела мышка додумать мысль о том, что же собирается делать радужная пони, как та подпрыгнула, и от души лягнула Ловчего прямо в лоб, в прыжке крутанувшись вокруг своей оси.

Убийца явно не ожидал такого. Слетев с ног и утерев шляпу, он неловко уселся на пол, с грохотом уронив один из стульев и каким-то чудом не распластавшись на полу.

Рейнбоу не успела ничего сказать. Ловчий, держась за лоб, сказал:

- Какое... радужное гостеприимство.

Дэш приблизилась вплотную и процедила:

- Да я только начала! Сейчас так отделаю, что мать родная не узнает!

- Ну, справедливости ради, она меня не узнает в любом случае. Я синтет. А та, что заменяла мне мать, давно умерла.

- Скатертью дорога, - прервала Дэш.

Ловчий согласно кивнул:

- Полностью согласен. Шлюхам и убийцам нет места в приличном обществе.

Дэш прищурилась:

- Ты...

Ловчий делано-равнодушно пожал плечами:

- Убийца. Именно поэтому я здесь. А ты, стало быть, шлюха?

Дэш, которой в голову моментально ударила слепая ярость, взревела не своим голосом и набросилась на сидящего человека.

Она успела нанести всего пару ударов, когда ее оттащили чьи-то руки. Вернее, попытались. И хотя тонкие и нежные пальцы оказались на удивление сильными, унять взбешенную пони сходу не получилось. Потому что ослепленная гневом Рейнбоу моментально превратилась в неистового берсерка. И лишь когда к первым рукам присоединились еще и еще, им удалось оттащить радужную пегаску, что уже начала копытами превращать и без того не слишком благовидное лицо в кровавое месиво.

Дэш еще слышала голос Спитфаер, доносящийся словно издалека:

- Не знаю, кто Вы, мистер, но соизвольте покинуть мое заведение!

Гайка же, парализованная страхом, сидела на столе и даже слышала, как Ловчий, глядя на нее, возражает, что, дескать, драку затеял не он.

- Пустите меня! - прорычала Дэш, дергаясь в человеческих руках. - Да я тебе глотку порву, сука!

Ловчий же невозмутимо поднял шляпу с пола. Голос его прозвучал слишком спокойно для человека, которому расквасили нос и обработали копытами лицо:

- Неужели убийца? Никогда бы не подумал, - он встретился глазами с сердитой Спитфаер, что уперла передние копыта в бока. - Ладно, ладно. Я уйду.

Он поднялся с пола и вышел, и лишь тогда посетители кафе отпустили Рейнбоу, которую еще трясло от гнева.

- Спокойно, - сказала Спитфаер, посмотрев Дэш в глаза. - Успокойся, ёрзик.

- Он... - процедила радужная пегаска, воинственно топорща крылья, - он назвал меня...

- Не назвал, а только спросил. Но он ушел, так что успокойся и глянь, что там с Гайкой. Она сама не своя.

Рейнбоу Дэш будто облили холодной водой.

Пегаска, оттолкнув от себя держащие руки, быстро вернулась к столу и увидела, как мышка сидит спиной ко всем, обхватив себя руками, и тихо вздрагивает от судорожных рыданий.

- Гайка? - спросила Дэш. - Что это за тип? Ты его знаешь?... Гайка?!

Рейнбоу Дэш ко всему была готова. Но не к игнорированию. Потому что Гайка даже не пошевелилась и не подняла глаз. А только всхлипывала и дрожала.

В заведении, тем временем, все стихло: клиенты еще вполголоса пообсуждали произошедшее, а через минуту к столику подошла Спитфаер.

- Что это за сено сейчас было? - спросила она. - Дэш?

- Понятия не имею, - отозвалась радужная пегаска, - но вот Гайка смогла бы объяснить: у них, как я догадываюсь, давние счеты... Слышь, мыша?

Гайка не обернулась.

- Простите, - сказала она, - я так... испугалась...

- Э, нет, - сказала Рейнбоу, криво усмехнувшись. - Ты можешь это сено кому-нибудь другому на уши вешать, не мне. Я тебя насквозь вижу. Рассказывай толком, кто это был, и чего ему надо от тебя.

Мышка по-прежнему не смотрела на двух пони, стоящих у стола, и в последний раз всхлипнула.

- Я отойду, - сказала Спитфаер, переглянувшись с Дэш. - Чую, вам лучше это между собой обсудить.

Когда же огненная пегаска вернулась к стойке, Рейнбоу снова повернулась к Гайке:

- Ну? - требовательно спросила она.

- А мы можем просто двинуться дальше? - робко спросила мышка, у которой на душе кошки скребли.

- Размечталась! - Дэш даже распахнула крылья. - Ты меня не бросила с этим волчарой, и я тебя не брошу, слышишь? И пусть только этот лысый мне еще раз попадетя, я ему все ребра пересчитаю!

Гайка вздохнула.

Похоже, наступала ее очередь откровенничать и встречаться с прошлым, которое, как и у радужной пегаски, несло с собой былые страхи, обиды и прегрешения.

Она, наконец, повернулась и подняла на пони взгляд зареванных глаз.

- Это Ловчий, - сказала мышка. - Тот, кто убивал для мистера М. Настоящий профи...

- Что-то непохоже, - фыркнула Дэш, - видала, как я его?

Она усмехнулась, но лицо Гайки осталось серьезным:

- Он не сопротивлялся, потому что проверял тебя. Часто так делал - вступал в бой, но не до конца, делал вид, что не настроен серьезно. А потом обрывал жизнь жертвы одним движением при следующей встрече. И это не метафора, действительно одним движением... А теперь... теперь он пришел за мной...

С этими словами мышка снова спрятала лицо в ладонях.

- По ходу, не я одна буду в этом мире отдуваться за свое прошлое, - хмыкнула Рейнбоу, стараясь не показать, насколько серьезно отнеслась к этому предупреждению, - а я-то думала, что тебя ко мне местные высшие силы просто приставили...

- Я... я не знаю, как мне идти дальше, - тихо проговорила мышка, не убирая рук, - как встретить все это лицом к лицу...

Она почувствовала, как в плечо ткнулась мягкая понячья мордочка.

Повисла пауза, и мышка изо всех сил старалась сдерживать так и рвущиеся рыдания.

- Мы, пожалуй, пойдем, - сказала вдруг Рейнбоу Дэш, оглянувшись на стоящую за стойкой Спитфаер.

- Что? - та, похоже, не вполне поверила своим ушам. - Куда это вы намылились?

- Дальше по Дороге, это очевидно, - пояснила голубая пегаска, чувствуя себя донельзя глупо.

- На ночь глядя?

- Ночь будет красной, успеем далеко уйти. Глядишь, оторвемся от Ловчего...

Спитфаер перебила:

- Не будет. Красная была предыдущая.

- Пофиг, - не смутилась Дэш, - в темноте даже лучше...

- Так, - в голосе Спитфаер зазвучал металл, когда она вышла из-за стойки и снова подошла к ним. - Во-первых, никуда я вас не отпущу, пока вы как следует не отдохнете. Во-вторых... не перебивай, ёрзик!.. во-вторых, тебе надо рану осмотреть. Ты старательно делаешь вид, что ее нет, но я-то вижу, что она нещадно болит. Готова прозакладывать всю свою кафешку против банановой кожуры, что там растревоженный шов. Наконец, в-третьих, только завтра вечером от станции Тарапики отходит поезд, на который вы успеете, если выйдете во второй половине дня. И еще, в-четвертых, твоей мышке спокойнее будет прийти в себя тут, с нами.

- А еще причины есть? - с вызовом осведомилась Рейнбоу Дэш.

- Есть, - спокойно кивнула Спитфаер. - Еще одна причина в том, что я могу попробовать поставить тебя на крыло. Снова.

Пегаска, которая нашла уже контрагумент против каждого довода, обессилено уселась на круп. Это было уже слишком.

Она вздохнула целых три раза, успокаиваясь. Потом подняла глаза.

- У тебя выпить есть? - спросила она. - Что-нибудь забористое, типа этого... как его... мехрена?

- С каких это пор ты пьешь всякую гадость? - поинтересовалась рыжая пегаска.

- С каких это пор ты моя мамочка? - парировала радужная пони.

Спитфаер рассмеялась:

- Тушэ. Найдется. Как раз мехрен.

- Мне тоже налейте, - подала голос Гайка, - в наперстке каком-нибудь.

Спитфаер перевела взгляд с Рейнбоу на нее и обратно.

- Хорошо, - сказала она наконец, - я вас пригласила остаться, и пусть меня поколотят, если за нашу историческую встречу не надо выпить. Но все же сначала дай-ка взглянуть на твою рану. (как раз нет. Сначала - закинуться и успокоиться, а потом уже, с холодной головой, раны разглядывать)

Когда уже не слишком свежая повязка была размотана, Спитфаер только выругалась. Шов не разошелся, но выглядел не очень хорошо: влага и грязь попали под повязку.

- Мне сдается, - сказала желтая пегаска, глянув Дэш в глаза, - что немного мехрена нам придется использовать наружу, а не внутрь. Сдюжишь, ёрзик? У меня нет сильных антисептиков.

Рейнбоу только усмехнулась:

- Неси.

Пока Спитфаер ходила за бутылкой местного пойла, Дэш сказала Гайке:

- Ты ведь понимаешь, почему нам надо сваливать поскорее?

Гайка кивнула:

- Спитфаер будет заступаться за нас, а Ловчий... он никогда не стеснялся, когда ему мешали выполнять задание. А у нее дети...

Рейнбоу кивнула и хотела уже что-то сказать, но в это время вернулась хозяйка дома с уже знакомой квадратной бутылкой.

- Не боишься, ёрзик? - спросила старшая пегаска. - Мехрен, конечно, штука целебная во всех смыслах, но все же спирт... будет больно.

Рейнбоу только фыркнула.

Конечно, ей было страшно. Боль всегда пробуждала у нее воспоминания, которые в мире Дорог еще и превращались в видения. Причем такие, что Дэш вообще готова была бежать без оглядки.

Но она была достаточно образованной поняшей, чтобы понимать: если начнется заражение, придется вернуться в клинику доктора Салазара и хрен знает сколько проторчать там, мозоля глаза Соарину Пишчеку.

Нет уж.

Спитфаер отвела Дэш и Гайку в одну из комнат наверху и не пустила увязавшихся следом жеребят. Велела радужной пегаске положить ногу на стол, после чего безжалостно стала протирать рану «старым мехреном».

Дэш, крылья которой с хлопком расправились от резкой боли, стиснула зубы и еле сдержалась, чтобы не поколотить наставницу здоровой конечностью. Но все же не издала ни звука.

Спитфаер вдруг улынулась, не прекращая своего занятия.

- Помню, как ты точно также терпела, когда я мазала йодом твои ссадины.

- Это когда? - спросила Гайка, успокаивающе погладив здоровую ногу Дэш, где под шкуркой мышцы напряглись до каменного состояния.

- Это, - процедила Рейнбоу сквозь зубы, - было, когда мы проходили посадку на скорости.

Гайка тоже не сдержала улыбки, вспомнив свои тренировки в лагере подготовки мышинных сталкеров. Нелепые и смешные ситуации, тогда кажущиеся обидными и болезненными... и как они потом позволяли выходить живой и невредимой из опасных ситуаций...

- Во, улынулась, - шипя от боли, заметила Дэш. - Давай, Спитфаер, плесни на рану как следует. Глядишь, вообще смеяться начнет... хэй!

Ярко-желтое крыло чувствительно хлопнуло по голубому уху с пирсингом.

- Ценю твое самопожертвование, - сказала бывшая наставница, - но ты в корне права,

ёрзик...

- Я не поэтому улыбнулась, - сказала Гайка.

Дэш в полном отчаянии закатила глаза:

- Только без нотаций!.. Пощады! У меня туговато с юмором, когда мне делают больно, ага?.. Ну вот...

Рейнбоу, которую обняли сразу с двух сторон, умолкла. Объятия и прикосновения больше не вызывали отвращения и трясучки. Даже наоборот, как-то успокаивали...

...Уже позже, когда посетители разошлись, а жеребята были строгим голосом отправлены спать, Спитфаер, Рейнбоу Дэш и Гайка расселись за столом в компании початой бутылки «старого мехрена».

Мышка, которой пришлось пить из крышечки какого-то пузырька, с удовольствием отдалась в объятия хмельного тумана, прогнавшего беспокойство и переживания последних дней.

Вскоре алкоголь всем развязал языки, и на свет стали вылезать истории из прошлого. Но не те, которые могли причинить боль, а, наоборот, смешные и веселые. Пусть у Рейнбоу таковых было и немного, у Гайки тем более, да и жизнь Спифтаер была далека от радужной мечты.

Но все вместе эти истории заняли достаточно времени, чтобы сперва ополовинить, а там и прикончить бутылку древнего пойла.

Рейнбоу еще подумалось в хмельном тумане, что такая вот атмосфера всеобщего веселья и открытости ей нравится куда больше, чем злое накачивание алкоголем в угрюмом одиночестве.

Не пугала и перспектива возможного похмелья: сейчас даже зловещая ночная тьма не могла разбить этот маленький кусочек веселья, прощения и счастья...

...Если бы кто-нибудь среди ночи мира Дорог заглянул в окно неброской забегаловки посреди городка Тарапика, то увидел бы двух крылатых пони и одну миниатюрную мышку-фурри, которые сидят за столом и, периодически опрокидывая в себя посуду со «старым мехреном», о чем-то по очереди рассказывают, после чего, как правило, смеются или хотя бы улыбаются...

И никто из них не обращал внимания на бесстрастное лицо Ловчего, наблюдающее через окно за весельем. И уж подавно никто не мог знать о мыслях, что проносились в голове профессионального убийцы...

...Когда бутылка пятидесятиградусного пойла показала дно, пошатывающаяся Рейнбоу, глупо хихикая вместе с поддерживающей ее Спитфаер, поднялась в комнату, где обоих гостей ждали постели, уже кем-то заботливо расстеленные.

Пьяная Дэш завалилась на простыни, не раздеваясь, и бывшая наставница была готова поклясться, что ее лучшая ученица захрапела раньше, чем коснулась подушки.

Гайка же нашла в себе силы вылезти из комбинезона и забраться в импровизированную кровать на комод: сложенная в несколько раз наволочка, пустая подушечка для иголок и лоскут шерстяной ткани в качестве одеяла.

Правда, как Спитфаер выходила, мышка уже не слышала: усталость, переживания и алкоголь сморили ее крепким сном прежде, чем за желтой пегаской закрылась дверь.

Да еще Рейнбоу так заразительно храпела на кровати, что не присоединиться к ней казалось просто кощунством....

* * *

...Гайку разбудили голоса.

А еще - падающий из окна теплый луч солнца.

Мышка улыбнулась, не открывая глаз, и сладко потянулась.

Несмотря на вчерашний вечер, она чувствовала себя бодро, как будто и не пила в компании двух пони древний самогон.

- ...Давай-ка еще раз, - говорила тем временем Спитфаер на улице. - Очисти свой разум.

- Да, и воспользуйся Силой, Люк, - саркастически хмыкнула в ответ радужная пони. - Уж сколько раз пробовали?

- Рейнбоу Дэш, - голос Спитфаер стал строгим, - если ты хочешь подняться в небо, тебе придется забыть о том, что ты синтет с антигравом в заднице. Ты - настоящая пони, которая умеет летать, может иметь жеребят и не связана никакими программами в дурной голове!

- Продолжай мне заливать, ага, - явно не поверила радужная пегаска, - я в это просто не могу поверить, как ни крути.

- Вот поэтому, - наставительно сказала Спитфаер, - ты и ползаешь по земле вместо того, чтобы лететь в небесах.

Гайка вылезла из кровати и перебралась к окну.

Во дворе были обе пони, очевидно, вставшие куда раньше. Желтая пегаска висела в воздухе, уперев в бока передние копыта, а на земле стояла радужная пони с расправленными крыльями, взмокшая и угрюмая.

- Ненавижу проигрывать, - сказала Рейнбоу, подсознательно воспользовавшись шаблонной фразой.

Спитфаер развела копытами:

- Ну, ёрзик, тут ты уже только сама можешь себя преодолеть. А то как тот слон.

- Какой-такой слон?!

- Ну, знаешь, почему привязанный за тонкую бечевку слон не рвет ее и не убегает?

Дэш, похоже, была не в курсе, потому что удивленно уставилась на Спитфаер. Та пояснила:

- Пока слоненок мелкий, его привязывают на бечевку, которую ему не порвать. А когда он вырастает и становится достаточно сильным, то уже успевает запомнить, что вырваться невозможно. И даже не пробует. Так и ты. Привыкла к своему антиграву настолько, что уже не можешь без него.

Рейнбоу отвернулась и что-то буркнула, а Спитфаер приземлилась, обняла бывшую ученицу крылом и сказала:

- Видимо, еще не время, Дэши. Давай-ка в душ и завтракать. И мышку свою разбуди.

- Угу, - буркнула Рейнбоу и поднялась.

«Душ - это было бы здорово», - подумалось мышке, которая вспомнила, что после каньона они так и не отмылись как следует.

Она отошла от окна.

Происходящее несколько озадачило мышку, но насущные с утра нужды требовали внимания прежде, чем приступать к расспросам.

Ей вспомнились недавние попутчики. Где-то они сейчас, куда бредут по собственной дороге?

Хотелось верить, что их Путь действительно будет легким...

* * *

...Душ занял немного времени, хотя Гайке пришлось пользоваться рукомойником, в то время как Рейнбоу плескалась в кабинке.

Но, по крайней мере, здесь были горячая вода, мыло и чистые полотенца.

После душа и прочего Рейнбоу и Гайка спустились вниз, где их уже ждал горячий чай, а с кухни доносились запахи и звуки чего-то шкворчащего на сковороде.

Спитфаер, вновь приложившись к кружке, рассказала о возможных направлениях пути после Тарапики.

Здесь, в городке, часто останавливались нелюди и всякие ночные существа, но лишь по той причине, что транспортный узел наверху удачно давал тень в самое жаркое время дня. Особенно когда на небе было два солнца.

Гостям подали завтрак: блинчики с кленовым сиропом, но у Дэш совсем не было аппетита после неудачной тренировки. Пегаска лениво ковыряла свою порцию вилкой и почти не ела, думая о своем.

Мышка ни словом не обмолвилась о том, что в окно видела провал Рейнбоу и слышала весь разговор. И уж конечно, далека была от того, чтобы подтрунивать над этим.

- Неподалеку есть железная дорога, - говорила тем временем Спитфаер, - по которой, как ни странно, все еще ходят поезда. Иногда жутковатые, с тенями вместо пассажиров, но, признаться, все это фигня. Живые там тоже ездят. Так вот, через низины идет железная дорога. Я настоятельно рекомендую ей воспользоваться, так как если пройдет дождь, долину затопит. Несильно, иногда даже до колена не дойдет, но, тем не менее, приятного мало, по воде шагать. Рельсы же каким-то мистическим макарон не размывает.

Рейнбоу вздохнула. Мысленно она летела навстречу небу на крыльях, оставив на земле все ее неудобство...

- Вы можете подождать поезд на нашей станции, - продолжила тем временем Спитфаер, показав копытом вверх, - но там они ходят редко. Лучше немного пройти вперед и сесть на параллельной ветке. Там, где спа-салон...

- Охренеть, - сказала Дэш, - тут и спа-салон есть?

- Целый банный комплекс. Но там принимают в основном тех, кто приходит с моря.

- Не очень-то и хотелось! - фыркнула Дэш. - Везде вип-зоны, куда животным с косым рылом ходу нет, пфе!

- Они все равно от долин отгородились высокой стеной...

- Пофиг, - перебила радужная пегаска. - Мы у тебя сейчас помылись, теперь можно пару дней забить. Что дальше?

- А дальше, - Спитфаер вздохнула, - дальше только ваш Путь. Я только подсказываю, как сделать, чтобы вам не пришлось идти пешком. Тогда этот ваш Ловчий точно отстанет, мне думается.

- Спасибо, - сказала Рейнбоу тихо, - за все.

- Ну, ёрзик, - улыбнулась пегаска, - ты всегда можешь рассчитывать на тихую гавань от меня.

Рейнбоу Дэш с туго забинтованной ногой и с Гайкой на спине напоследок обняла бывшую наставницу и поймала себя на том, что на сердце и впрямь полегчало.

И больше не страшила мысль о том, чтобы встретить еще кого-то из тех, кто погиб от копыта гладиатора Рейнбоу Дэш Вендар. Даже если те не найдут в себе сил простить свою убийцу.

Жеребята тоже повисли на Дэш, присоединившись к коллективным обнимашкам.

«И где только Спитфаер таких отыскала, - подумала Рейнбоу, - такое впечатление, что и не из Гигаполисов вовсе. Такие доверчивые...»

Дверь в заведение открылась, и раздавшийся голос вырвал Дэш из раздумий:

- Дорогая, я дома!

Не успела Рейнбоу даже повернуться к вошедшему, как жеребята к криками «Папа! Папа приехал!» отпустили ее и бросились к дверям.

Когда же Дэш обернулась, она увидела... нет, не человека, как можно было бы подумать. Да и не видела она еще здесь, в Тарапике, людей. Ловчий тоже, строго говоря, человеком не являлся.

Впрочем, вошедший был гуманоидом примерно человеческих размеров и пропорций. Голубокожим, остроухим и немного хрупким на вид молодым мужчиной с коротко остриженными черными волосами. Одетым в обычную человеческую одежду, джинсы, футболку и ботинки. Через плечо у него висела сумка, а на ней – свернутая кожаная куртка с меховым воротником, что на жарких солнцах казалось полной дурью.

Чтобы обнять жеребят, вошедший опустился на одно колено и бросил на пол свою ношу. Ухватил двух маленьких пони и прижал к себе, совершенно искренне улыбаясь.

Рейнбоу Дэш и Гайка вопросительно уставились на Спитфаер, щеки которой тронул легкий румянец.

- Лаэвей, – сказала желтая пегаска, с улыбкой делая шаг навстречу вошедшему, – я не слышала, как ты сел.

- Я приземлился на окраине, – ответил тот, продолжая поглаживать ластиющихся жеребят. – Немного не рассчитал с топливом.

- Познакомься, – сказала Спитфаер. – Это мои друзья. Ну, из той жизни, сечешь?

- Конечно, – голубокожий мужчина встал и, отпустив жеребят к вящему неудовольствию обоих, слегка поклонился. – Лаэвэй Манлаок. Мир по дороге.

- Рейнбоу Дэш, – машинально представилась радужная пегаска, слишком потрясенная для остального.

- Гайка Коннорс, – отозвалась мышка.

- Коннорс?... – поднял взгляд назвавшийся Лаэвеем. – У меня, кажется, для тебя кое-что есть.

Он и начал рыться в карманах куртки.

Гайка же вздрогнула. Уж чего-чего, а такого она не ожидала: принять весточку из прошлого от совершенно незнакомого... кого?

Спитфаер тем временем ткнула Лазвея в грудь:

- Заигрываешь с мышкой? Я буду ревновать.

Рейнбоу Дэш не удержалась и фыркнула. Это прозвучало крайне неубедительно.

Лазвей тоже не поверил и только с улыбкой поцеловал поняшу в нос. Та довольно фыркнула и засмеялась.

Тем временем пришелец протянул Гайке небольшой лист бумаги, исписанный почерком слишком маленьким, для кого-то размером с человека.

Мышка, стараясь сдержать нервную дрожь, вчиталась в строки:

«Тому, кто это прочтет. Я - Рокфор Фитцджеральд, и я оставляю подобные записки на своем Пути, чтобы вы, ребята, могли узнать то, что я не успел вам рассказать при жизни...»

Перед глазами все расплылось. Гайка беспомощно уселась на столе, вытирая слезы тыльной стороной ладони, но все же не выдержала...

...Рокфор Фитцджеральд похож на свой мультяшный прототип, но жизнь в кукольном доме и выживание в «играх» маленького Тимми наложили свой отпечаток: мыш стал более поджарым и мускулистым, несмотря на любовь к обильной еде. Кроме того, на левой руке не хватает пальца, а хвост несколько короче: всё следы садистских развлечений жестокого мальчишки.

Но главное, где-то в глубине добрых зеленых глаз засела грустная искорка многого повидавшего существа.

Гайка еще не знает, что жизнь наградит всех выживших в усадьбе живых игрушек похожим взглядом менее чем через год...

Она сидит у окна своей комнаты на втором этаже и смотрит, как здоровенный мыш, словно нашкодивших детей, держит за уши двух самых «взрослых» членов их огромной семьи: Джерри и Брэйна.

- Вы хотите, чтоб Гаечка чувствовала себя виноватой в разладе? - спрашивает Рокфор. - В ссорах?

Двое мышей поменьше изо всех сил стараются казаться гордыми и невозмутимыми перед

лицом соперника.

Да, в большой «семье» синтетов сына хозяина дома иногда возникают конфликты, но все они быстро сходят на нет: становится не до того.

Вот только сейчас разговор особый, потому что тут замешаны чувства.

И поэтому ссора может затянуться надолго...

Рокфор не сдается и вытаскивает козырь:

- Так-то вы ее поддерживаете? Она и без того чувствует себя виноватой, а вы хотите взвалить на нее еще и это?

На этот раз сработало. Скрещенные руки опустились, и Рокфор выпустил оба уха: и белое, и бурое.

- А теперь пожмите руки и помиритесь, - велел он. - Мы же не люди, которые берут все, что им хочется.

Два мыша смотрят друг на друга какое-то время, после чего, к вящему облегчению Гайки, протягивают друг другу руки... одновременно.

Рокфор же, подняв взгляд на видное только ему окно, подмигивает мышке и говорит:

- Пусть Гайка сама сделает свой выбор. Дайте ей время, ребята.

Гайка, покраснев, отходит внутрь комнаты. Рокфор, как всегда, прав во всем...

...Она вынырнула из воспоминаний, снова украдкой утерла выступившие слезы и вчиталась в текст.

Записка гласила:

«Если вы меня спросите, поступил бы я так снова, я не смогу дать однозначного ответа. Я потратил свою жизнь впустую, пытаюсь найти выход из этого дома кошмаров. И мне хотелось бы верить, что Брейн или Гаечка смогли найти выход и спасли всех. Но что если нет? Что если это ни к чему не привело? Возможно, мне стоило пожертвовать одним или двумя, чтобы спасти всех? Да, так бы я проклял свою душу, но несколько спасенных жизней стоили бы того.

Впрочем, ответа у меня и не будет, пока не дойду до этого причудливого Белого Шпиля... но хочу ли я услышать ответ? Не знаю... Но на всякий случай: простите, ребята, что не смог вас вывести. Не вините Гаечку – она слишком добрая для этого мира, и мир людей сломал ее...»

Мышка заметила, что слезы вновь ей мешают. Она зло смахнула их.

Подумалось, что ей за всю жизнь не удалось спасти всех, а лишь некоторых. Будь то друзья из усадьбы или те, кого она направляла к мистеру М, но это все же было лучше, чем умереть или отчаяться...

Мышка не рассказала, но поэтому и бросилась на волка. Перед ее глазами тогда стоял образ Стила...

И после того, как он в усадьбе убил и сожрал мышку Селестину, все живые игрушки не только боялись, но и ненавидели этого пса...

...В свое время мышка не видела, как Рокфор погиб во время их отчаянного побега. Но то, что с территории усадьбы выбрался еще кто-то, сама Гайка узнала лишь спустя долгие, долгие годы, заполненные горем и одиночеством...

Тем временем Рейнбоу Дэш перевела взгляд с Лаэвея на Спитфаер и сказала:

- ...Это, лягать, чересчур любопытно, чтобы просто так уйти теперь...

История этого странного парня оказалась еще более невероятной, чем можно было предположить.

Во-первых, он был не с Земли. Название его родного мира звучало певуче и ни о чем не говорило ни Дэш, ни Гайке. Но о планете людей он знал, потому что на старости лет занимался тем, что путешествовал на личной яхте и «стал первым, кто открыл Землю».

- И тебя не прибили? - недоверчиво осведомилась Дэш. - И не сбили на подлете?

- Нет, - улыбнулся Лаэвей. - Я просто сел в людном месте, и к тому времени, как власти спохватились, обо мне уже трезвонили все мировые СМИ. В общем, слово за слово, я оставил землянам кучу технической документации по гипердвигателям, силовым полям и всякой электронике, дал немного своей крови на анализ ДНК, а взамен взял послание от человеческого правительства... как его... ООН, что ли? У них как раз вроде заседание было какое-то. Еще кучу всяких записей захватил... книги там, музыку, кино, игры... и полетел домой. Получать заслуженную награду за открытый разумный вид. Но не судьба.

- Подловили-таки ракетой? - усмехнулась Дэш.

- Да все не так! - не рассердился, а улыбнулся пришелец. - Просто... в гиперпространстве что-то произошло. Я, признаться, не особо сообразил, что именно. Видимо, опасная аномалия. Очнулся тут. Помолодевший. В пустыне, рядом со сломанным примитивным самолетом...

- У тебя есть самолет? - наострила уши Рейнбоу, но ее мечтам о воздушном такси не суждено было сбыться.

Лаэвей сказал:

- Есть, но до следующей okazji нет горючего. Говорю ж, малость не рассчитал, пока летал в Блэссин Шейдс... Так вот, здесь меня нашла Спитфаер, помогла. А к тому времени, как мы вместе вышли из пустыни, я понял, что люблю ее. Еще до того, как мы преодолели языковой барьер: мой универсальный переводчик-смыслоуловитель остался в той, прежней жизни вместе с космической яхтой.

Желтая пегаска при этих словах опять зарделась и потерлась мордочкой о руку инопланетянина.

- Поверить не могу, - сказала Дэш мрачно, - что и среди пришельцев находятся любители маленьких цветных лошадок.

- Что ты имеешь в виду? - осведомился Лаэвей, поглаживая по шее Спитфаер и почесывая ей за ухом. Жест, с точки зрения пони, довольно интимный, кстати.

- Ты - гуманоид. Она - пони, - пояснила Рейнбоу. - У вас любовь, секс и черт знает что еще.

Она была готова к тому, что Лаэвей сейчас будет отрицать очевидное и говорить о том, что у них со Спитфаер какие-нибудь возвышенные чувства, типа, «платонические».

Но на голубом лице отобразилось искреннее удивление:

- Какая, в сущности, разница? Принадлежность к виду совершенно не имеет значения. В принципе, в таком вопросе не имеет значения ничего, кроме любви.

Рейнбоу даже как-то растерялась, а Спитфаер решила пояснить:

- У Лаэвея на планете давно переросли всякие предрассудки. Так что в этом мы быстро сошлись.

- Я не слышала ни о каких инопланетянах в СМИ, - сказала тем временем Гайка, которую рассказ пришельца заставил задуматься. - В каком году ты прилетел?

После того, как Лаэвей описал дату прилета, Гайка только еще больше озадачилась. По всему выходило, что он прилетел на несколько лет позже даты, когда произошли события, участниками которых стали Дэш и мышка. А когда Лаэвей описал увиденное на Земле, стало и вовсе непонятно. По всему выходило, ни о каких Гигаполисах там и слухом не слыхивали.

- Я в свое время сделала вывод, - сказала Спитфаер, - что мы не только из разных времен, но и из разных миров.

- Ничего странного в этом не нахожу, - согласился Лаэвей. - Наш народ фактически доказал существование мультивселенной, а то, что я увидел в этом мире, только подтверждает это. Так что я даже не удивлен: и Мир Дорог, и ваша история, все укладывается в картину мироздания моей расы.

- Я хренею, - усмехнулась Рейнбоу Дэш, - и теперь ты тоже решил тут остаться?

- Почему бы нет? - пожал плечами пришелец с далекой планеты. - Тут некуда спешить.

- А нам, пожалуй, все же есть, куда, - сказала Рейнбоу. - Все это очень интересно, но так можно засидеться до утра. А ты сказала, поезд будет вечером.

Спитфаер, опять вопреки ожиданиям Дэш, не стала ее отговаривать. Не стала давать напутствий, а только обняла. Крепко-крепко. Ногами и крыльями.

- Легкого пути, ёрзик, - сказала желтая пегаска, отпуская Дэш. - Прощай.

- Ты что, плачешь?! - удивилась Рейнбоу.

- Конечно, нет! - Спитфаер спешно утерлась копытом. - Просто что-то в глаз попало.

Гайка понимающе улыбнулась.

- А ты что, храброе сердечко? - спросил вдруг у мышки Лаэвей, беря ее на ладонь и отвлекая от прощания двух пони. - Позаботишься о своей подруге?

- Конечно, - та подняла взгляд на странного пришельца, - а Вы тогда - о Спитфаер.

- Я никогда ее не брошу, - пообещал Лаэвей. - Мы здесь нашли друг друга, у нас замечательные дети... Уж не знаю, как, но факт. Для нас обоих это был шок. Но у моего народа не принято копаться в чем-то в поисках сложного объяснения, если есть простое.

Гайка покраснела и, отогнав назойливую мысль о близком общении двух столь разных, но

любящих существ, нашла в себе силы улыбнуться.

Ну и конечно, на прощание были коллективные обнимашки всей семьей, а еще Спитфаер настояла на том, чтобы сфотографироваться на память. И хотя Дэш немного поворчала по этому поводу, древний фотоаппарат с таймером и мгновенной печатью вскоре выдал небольшое общее фото.

Которое заняло свое место во внутреннем кармане, напротив сердца.

И Гайка ничего по этому поводу не сказала.

* * *

...Когда за спиной осталось несколько километров уже знакомой Дороги, Рейнбоу Дэш вдруг с ругательством споткнулась, и расслабившаяся от недавних воспоминаний Гайка еле удержалась на спине.

При этом раздался металлический звон, как будто под ноги попала какая-то железка.

Со стороны пегаски не прекратился поток ругани, и всерьез обеспокоившаяся Гайка спрыгнула на землю и спросила:

- Что такое, Дэш? Тебе очень больно?

Пегаска, как раз закончив осматривать правую переднюю ногу, отозвалась:

- Да нет, перемать... подкова слетела!

Дэш оглянулась на Гайку и уселась на круп. После чего показала мышке копыто, где потертая подкова висела на одном гвозде из четырех. Где и когда растерялись остальные, было неизвестно. В принципе, это могло случиться где угодно.

- Мало мне было неработающих крыльев, - процедила Дэш сквозь зубы, - так теперь еще и хромать буду? Ну спасибо, жрать мой ужин!

Гайка, осмотрев поблескивающую стальную подкову, сказала:

- Подержи ногу.

С этими словами она ухватила последний, наполовину вышедший из копыта погнутый гвоздик и потянула на себя. Спустя пару секунд гнутая железка со звоном упала на потертый асфальт дороги.

Дэш зло хлюпнула носом.

Подковы всегда казались ей некоей незыблемой частью жизни. Радужная пони носила их всегда и везде, и не снимала даже в душе. Помнится, с тех пор, как Алекс Вендар впервые надел их пятилетней Рейнбоу.

Внезапно пегаску осенило.

- Что за хрень, - сказала она, - тут же должны быть вакуумные застёжки!

Гайка уставилась на копыто, в которое были аккуратно вбиты маленькие гвоздики. Как в старину.

- Чудеса, - согласилась она, - но факт остается фактом - ты подкована гвоздями.

Рейнбоу не знала, что и сказать. Невозможно подковать пони так, чтобы та не заметила этого. Разве что в больнице или в начале пути, когда Дэш напилась? Но зачем?

- И что, - проворчала пони, - мне теперь нужен кузнец, чтобы переобуться, так, что ли?

- Слушай, - вдруг подала голос Гайка, - а зачем ты вообще подковы носишь?

- Чтобы драться, - бросила Дэш, - и чтобы копыта в городском мусоре не поранить...

Она осеклась, понимая, что обе причины более неактуальны в мире Дорог.

Гайка развила успех:

- А если асфальт ровный, тебе же не обязательно в подковах быть?

- Если только тяжести не таскать... - Дэш усмехнулась, начав понимать, куда клонит мышка.

- Ну так сними их вообще! - Гайка улыбнулась. - У нас вроде плоскогубцы были?

Дэш подняла вторую переднюю ногу, где роговую часть копыта охватывал твердый металл.

«Hasbro Inc», гласила рельефная надпись. Подковы, определенно, были понячыми: больше ни для кого такую продукцию «Hasbro» не выпускала.

- Я всегда их носила... - сказала Рейнбоу Дэш, потом бросила взгляд на Гайку. - Ты права. К Дискорду дурацкие железяки. Поможешь?

Мышка только улыбнулась и полезла в седельную сумку за инструментом.

Вскоре все четыре подковы валялись в дорожной пыли, но Рейнбоу продолжала сидеть на дороге с задумчивым видом.

Гайка утерла пот. Как бы там ни было, гвоздики хорошо сидели и намертво прикрепляли подковы к копытам пони. К слову, понадобилось еще замазать дырки от них нашедшейся в аптечке пастой. Та изначально предназначалась для временной фиксации повязок, но создать в роговой кромке копыта плотные затычки тоже получилось.

- О чем думаешь? - спросила мышка, убирая на место инструменты и аптечку.

Дэш подняла ногу, которую все еще охватывал браслет с шипами.

- Вот об этом, - пояснила она. - Я тут подумала... они мне тоже больше не нужны.

Гайка кивнула и осмотрела браслет из толстой кожи с металлическими вставками. Страшное оружие в умелых руках... или копытах.

- Ты не можешь их просто снять? - удивилась мышка.

- В сено, - отрезала Дэш. - Я хочу, чтобы их больше нельзя было надеть. Так что разрежай.

- Уверена?

Дэш поджала губы и опустила уши, но потом кивнула:

- Уверена. К хвостам весь этот навоз...

...Кожа браслетов поддавалась плохо. Судя по тому, как туго шел нож, Алекс Вендар в свое время не поленился оплатить работу на заказ: из натуральных материалов, штучное производство, не какая-нибудь штамповка из заменителя...

Рейнбоу Дэш же думала о другом. Буквально утром она была уверена, что шрам на ноге, оставленный рысью-синтетом, был на месте. А сейчас его не было. Вернее, он был, но как будто прошло не полтора года после ранения, а лет десять. Даже шерстка поверху росла уже почти ровно. А ведь Дэш явственно помнила, что в том бою дикая кошка попросту вырвала из ноги клочок мяса.

- Скоро опять буду нежной и пушистой поняшей, - фыркнула Рейнбоу, потом задрала голову и громко сказала в небо. - Не дождетесь!

Гайка заметила, что пегаска ощупывает ноги, и спросила:

- Я тебя не задела ножом?

Та подняла взгляд:

- Не... я не поэтому. У меня исчезают шрамы, вот я и думаю, не пытаются ли из меня плюшку-игрушку сделать и внутренне.

- И как?

- Вроде все мышцы на месте и в неплохой форме, особенно учитывая отсутствие тренировок уже черте сколько... Идем уже.

Гайка ловко запрыгнула на загривок пони, и та фыркнула:

- Ну прям ковбой. Понравилось на мне ездить, да?

Мышка смущенно улыбнулась. Положа руку на сердце, ей нравилось. Рейнбоу была огромной по сравнению с маленькой мышкой, и сидя на пегаске, та чувствовала всю мощь тренированного тела, играющего мышцами под курткой. А еще - теплое чувство привязанности и безопасности, пусть и кажущейся.

Рейнбоу засмеялась своим хрипловатым смехом и загарцевала по дороге, будто заново радуясь легкости, которую обрели освобожденные от металла копыта.

- Не бери в голову, - сказала пони прежде, чем мышка успела ответить, - мне хочется пробежаться.

- А как же твоя нога? - чуть обеспокоенно спросила Гайка.

- Просто держись, - улыбнулась Дэш.

Она взвилась на дыбы и поскакала навстречу восходящим солнцам...

Душу Рейнбоу переполнял настоящий восторг. Такую легкость и радость она даже не припоминала, когда в последний раз чувствовала. Свет лениво поднимающегося над горизонтом солнца ласкал мордочку светом и теплом, ветер взъерошил немного отросшую уже гриву.

Стук копыт, изменившийся после снятия подков, звучал в ушах пегаски настоящей музыкой, как и смех подпрыгивающей на спине Гайки.

Рейнбоу, щурясь против теплого ветра, вдруг подумала, что вот сейчас тот самый момент, о котором говорила Спитфаер...

Небесно-голубые крылья с хлопком раскрылись. Гайка, увидев это, крепче вцепилась в ворот. Понять, что было на уме радужногривой пегаски, не составляло труда.

Сильные крылья ударили по воздуху. Раз, другой, третий, наконец, быстро захлопали в такт бегу...

...Рейнбоу Дэш готова была поклясться, что сейчас, уже вот-вот. Даже почувствовала было легкость во всем теле, которая предшествовала активации антигравитатора.

Пегаска уже набрала воздуха в грудь, чтобы восторженно завопить одновременно со взлетом, но вдруг ее отвлек крик Гайки:

- Дэш, стой! Рейнбоу!

Пони резко затормозила, подняв тучу дорожной пыли. Чувство беззаботной легкости мгновенно испарилось, и мышка была награждена испепеляющим взглядом.

Да и было ли оно, или Дэш просто принимала желаемое за действительное?

Но Гайка не смутилась, а на мордочке ее отражалась нешуточная тревога:

- Смотри!

Рейнбоу проследила, куда показывала Гайка, и почувствовала, как грива натурально шевельнулась на затылке.

Потому что справа, аккуратно со стороны пересохшего моря, надвигалась попросту чудовищная темно-бурая туча. Ползла прямо по земле, будто колоссальное чудовище, на таком расстоянии

почти бесшумно, но при этом навевая неясную жуть...

В глубине сверкнуло. Ветер принес волну сухого жара и бросил в лицо пригоршню пыли.

Рейнбоу Дэш поджала губы: она поняла, что это такое.

Пыльная буря.

- Гребаный хабуб... - только и процедила пони, хмуро смотря на приближающуюся стену тьмы...

* * *

...Мир Дорог преобразился.

Недавняя буря покрыла слоем красно-бурой пыли все: степную траву, полотно дороги, заброшенные постройки неясного назначения, давно ставшие безмолвными памятником старому миру.

И даже фигурка пони с мышью на спине сливалась по цвету с остальным.

- У меня даже на зубах пыль, - сказала Рейнбоу Дэш, потрянув головой. Из утратившей цвета гривы тоже посыпался песок. - Я так себя даже после арены не чувствовала, когда меня вываливали в песке от копыт до кончиков ушей.

- Мне не лучше, - отозвалась Гайка, пытаюсь вытряхнуть пыль из круглого уха. - В волосах так точно пригоршня целая... ужас, что за буря.

Обе путешественницы синхронно вздохнули.

А ведь как назло, недавно вымылись дочиста, отдохнули... И погода такая стояла спокойная, просто идеальная для похода.

Пока не налетела дискордова пыльная буря, которая моментально превратила погожий денек в мрачный и душный апокалипсис. Отсидеться тоже нигде не получилось: мелкая пыль проникала в ненадежные убежища и на равнине просто некуда было скрыться.

Сейчас же на путников снова навалились жара и усталость, помноженные на сухость и пыль.

Рейнбоу потянулась было к фляге, но отдернула ногу.

Жажда была еще терпимой, а где следующий источник - неизвестно.

- Смотри, Дэш, - сказала вдруг Гайка, показывая в сторону одного из покосившихся строений. В сумерках было заметно, что окна там светятся, а из нескольких труб идет пар и дым.

- Это что же, и есть спа? - удивилась Дэш. - Больше похоже на прачечный комбинат... причем режимный. Вон, какие стены...

- Я не удивлена, - заметила Гайка, которой, наконец, удалось вытрясти пыль из уха. - Если тут такие бури, то спа постигла бы судьба остальных домов.

За прочными воротами, отворившимися по сигналу звонка, оказался не слишком большой двор, слегка заметенный песком.

Внутреннее же помещение солидного здания из красного кирпича содержало просторное помещение, залитое светом электрических ламп.

В воздухе витал запах влаги, мыла и чистоты, а по углам зала с деревянным полом стояли кадки с тропическими растениями, что вились по стенам и даже потолку.

Улыбчивая темноволосая женщина-человек в коротком платье и переднике поднялась из-за стола навстречу. Ее взгляд цепко скользнул по обеим посетительницам, но особенного удивления в зеленых глазах не мелькнуло.

- Добро пожаловать в баню «У Маргарет», - поздоровалась женщина. - Маргарет - это я.

- Как вовремя, - усмехнулась Дэш, прянув ушами. - Попали в гробаный хабуб, и сразу баню нашли.

Маргарет не смутилась:

- Здесь, в районе пыльных бурь, бизнес процветает, несмотря на резко сократившееся население. Никому не хочется ходить в красной пыли, даже Идущим. К слову, услуги прачечной мы тоже предоставляем.

Рейнбоу с Гайкой переглянулись.

- Ну раз так, - усмехнулась пегаска, - тогда вопрос: у вас в ходу солты с побережья?

- Нет, - продолжая улыбаться, покачала головой Маргарет. - Побережье далеко, ходить туда тратить их деньги мне недосуг. Предпочитаю бартер.

Следующая минута ушла на то, чтобы порыться в карманах.

На свет появились подобранный в начале пути нож, фляга, пара сухпайков, завернутые в бумагу блинчики, которые Дэш не доела за завтраком, россыпь мелких деталей, прихваченных со свалки, пара приборов Гайки, что не работали по причине отсутствия сети (или несовместимости сетевых протоколов), одна из старых подков Дэш, оставленная «на счастье», моток троса, пара инструментов.

Маргарет осмотрела все это и сказала:

- Не пойдет.

- Ну и не надо! - резко выпалила Дэш, но Гайка примирительно подняла руку и сказала:

- Может быть, какая-то услуга?

Женщина задумалась на минуту, после чего кивнула.

- Пожалуй. Так и быть, помыться тогда можете авансом... И потом еще раз, перед уходом.

- А что надо будет делать? - сощурилась Дэш.

Мысленно она была готова, что банщица предложит какую-нибудь мерзость и собиралась дать гневную отповедь, сопровождаемую копытоприкладством и членовредительством.

- После пыльной бури у меня всегда наплыв клиентов, можете помочь, - сказала Маргарет. - Как раз, кому-то придется подносить чистые простыни и полотенца, а кому-то - колдовать с автобаром, пока я сижу на ресепшене.

Рейнбоу Дэш ощерилась, но Гайка погладила ее по шее и сказала:

- Идет.

- Не идет! - тут же возразила пегаска, воинственно встопорщив крылья.

- Мы сейчас, - Гаечка улыбнулась Маргарет и наклонилась к голубому уху. - Отойдем, поговорим.

Они вышли обратно на занесенную пылью улицу, где Гайка спрыгнула на землю, чтобы видеть глаза собеседницы.

Пегаска с порога взяла быка за рога:

- Я ей не прислуга!

Гайка улыбнулась:

- Да брось, что такого в том, чтобы полдня пораздавать посетителям чистые простыни?

Но Дэш было так просто не переубедить:

- Знаю я эту работу в спа: сперва простынку поднести, потом массажик сделать, а там уже и хвост задерут в счет долга. Тебе-то что, ты мелкая, на тебя клиента хрен найдешь!

- Глупости, - возразила Гайка, - это не Гигаполис, где понятия спа и борделя почти тождественны.

Повисла пауза.

- А ты не думала, что это испытание? - спросила мышка, не дождавшись ответа. - Взглянуть в лицо страху?

- Какому страху? Я просто никому не хочу быть обязанной! Тем более, в таком вертепе!

- Твой страх - снова потерять свободу. Пусть на один день, пусть фигурально, но потерять. И перешагнуть через стереотипы нашего мира.

Дэш сжала зубы. И почему эта мышь все время видела ее насквозь?

- Слушай, ну мы же не в рабство продаемся, - надала Гайка. - Просто услуга за услугу. Неужели ты хочешь продолжить путь в таком виде?

- Бывало и хуже, - буркнула Дэш, опустив голову и сложив крылья.

- Идем, - улыбнулась Гайка, но Рейнбоу упрямо тряхнула головой, с которой вновь посыпался

песок:

- Я сказала - нет! Вали, если хочешь, но я на это не подписываюсь!

- Ты обещала один раз послушаться меня, - нажала мышка, - если мы не встретим бандитов. Мы их не встретили.

Рейнбоу вдруг вспыхнула, вновь расправив крылья от гнева:

- Встретили! И даже хуже! Забыла про своего Ловчего?

- Дэш... - беспомощно начал мышка, но пегаска уже впала в состояние, когда собеседника не слышно:

- То, что в этом мире нет опасностей, это все наглая ложь! Уже встретили гребаного лепреккона, волка и хладнокровного убийцу, который, кстати, может запросто сновать неподалеку! И я ни за что не поверю в то, что люди тут не алчные и не подлые, как в родном мире, ясно?! Даже у Спитфаер нас пытался достать какой-то гребаный киллер из нашего мира!.. На хвосте я вертела все это! И если я доберусь до этой Белой башни из слоновой кости, или как там ее, у меня будет очень, очень много вопросов к тамошним обитателям!

Гайка отшатнулась, когда в рубиновых глазах мелькнули отблески того безумия, что привело Рейнбоу Дэш Вендар на заброшенный завод в глубинах Серого города...

Пони же резко развернулась и быстро пошла по дороге, не желая ничего слушать.

Налетевший порыв сухого ветра заставил глаза Гайки заслезиться и забил обратно в рот попытавшиеся вылететь слова.

А когда мышка прокашлялась, Рейнбоу была уже на расстоянии, исключаящем диалог.

Гайка попыталась было догнать пони, но куда там: на коротких мышинных ногах за Дэш было не поспеть, даже когда пегаска шла спокойным шагом. Что уж говорить про быструю рысь...

Мышка остановилась, смотря вслед уходящей Рейнбоу Дэш, пока пегаску не скрыли облака пыли, поднятой злым порывом ветра.

- Ты же обещала... - обессилено проговорила Гайка Коннорс.

По ее щекам текли слезы, а мысли блуждали где-то далеко. Не верилось, что Рейнбоу Дэш, с которой они вместе прошли столько времени, просто взяла и ушла.

Развернувшись, Гайка пошла обратно в направлении серой громады банного комплекса. Потому что обещала помочь этой дружелюбной женщине.

Что будет дальше, мышка не знала.

Ее даже посетила мысль, что придется остаться здесь навсегда, потому что дальнейший путь в одиночку казался чем-то совершенно невыносимым. Особенно в свете того, что где-то позади, а возможно и впереди маячит жуткий призрак из прошлого...

В такой момент маленькой мышке хотелось быть такой же сильной, как Рейнбоу Дэш... или такой же смелой. Ну или на худой конец, достаточно большой, чтобы ходить без попутчика.

* * *

...Рейнбоу Дэш рысила по дороге уже несколько часов.

Размытые пятна солнц поднялись почти в зенит: хабуб давно растерял силу, но порывы ветра периодически поднимали облака красноватой пыли. Мелкие частицы лезли в глаза и уши, заставляли сохнуть горло и раздражали нос.

Хорошего настроения это, понятное дело, не прибавляло. Рейнбоу Дэш, немного остыв, думала, что не во всем была права, попросту уйдя в степь, бросив мышку пусть и не на произвол судьбы, но все равно в малознакомом месте.

А с другой стороны, она хотела там задержаться, вот пусть и остается. Глядишь, кто-то еще подберет эту мелкую доуку себе в попутчики.

Дэш перешла на шаг.

Ей даже как-то непривычно стало идти, не чувствуя маленькой тяжести верной попутчицы на спине.

Вспомнилось, как одиноко было на свалке, когда мышка побежала на первую встречу с собственным прошлым... И еще раньше, когда пони оказалась одна в огромном заброшенном городе.

Рейнбоу мотнула головой, но желание вернуться никуда не делось.

Ветер в это время бросил в мордочку очередную пригоршню песка и закружил рядом маленький вихрь. Изменившая после бури цвет степь простиралась вокруг, висящая в воздухе пыль делала день похожим на мрачноватые сумерки, душные и жаркие.

«Хоть бы дождик прошел, – подумалось пегаске. – А там, в небесной вышине, прохладно и свежо...»

Вспомнив свою недавнюю попытку взлететь, Дэш раскрыла крылья и проскакала галопом некоторое время, но чувство предваряющей полет легкости не пришло, как пегаска ни старалась.

Только проклятая мелкая пыль, поднятая копытами, набилась в глаза и нос.

Дэш чихнула и сложила крылья. В груди поднялась волна раздражения.

А ведь почти получилось тогда, перед бурей!

Какое-то движение впереди заставило оторваться от мрачных раздумий.

Когда же сквозь облака пыли проступили очертания нескладной фигуры, Рейнбоу только стиснула зубы, на которых противно заскрипел песок.

Ловчий стоял, не двигаясь, и только придерживал шляпу. Ветер колыхал полы плаща, а взгляд глаз не отрывался от приближающейся Рейнбоу Дэш.

Пегаска мысленно приготовилась к бою. Да, она была гладиатором, и сейчас даже неплохо себя чувствовала, но отдавала себе отчет, что против профессионального убийцы не сможет сделать ничего существенного.

Ее отчаянная схватка с судьей Роком в прошлой жизни была тому мрачным свидетельством.

От волнения у пегаски чуть расправились крылья. Мимолетно мелькнула мысль, что здесь и сейчас как раз экспериментально будет установлено, что будет, если умереть в загробном мире.

А еще подумалось, что ранее снятые браслеты с шипами и тяжелые подковы теперь бы оченьгодились...

Остановившись в нескольких шагах, Дэш постаралась придать себе безмятежный вид и даже стала насвистывать мелодию из какого-то древнего вестерна.

Ловчий не нападал и вообще не двигался. Даже не пытался стряхнуть слой пыли, который и его покрывал с ног до головы.

Дэш вскоре надоело свистеть, и она также молча уставилась на человека.

Тот, наконец, нарушил затянувшуюся паузу:

- Теперь, когда мы оба насладились погружением в стереотипы, давай поговорим.

- Просто поговорим? - уточнила Дэш, недоверчиво сощурившись.

- Да.

- И о чем же?

- О тебе и твоей... А где Гайка?

Дэш ощерилась:

- Не твое дело!

Ловчий равнодушно пожал плечами:

- И впрямь. К тому же, я не знаю, о чем с ней говорить.

- Тогда какого сена ты вообще за ней прешься?

- Раз уж наши дороги пересеклись в этом мире, то явно не случайно... И я просто чувствую, что мы должны хотя бы... объясниться, что ли?

- То есть, ты не собираешься ей мстить или типа того? - недоверчиво сощурилась пегаска. - Зачем тогда был этот спектакль в кафе?

- Наверное, сработали старые привычки...

- Ага, Гайка рассказывала... - Дэш вдруг осеклась. - Знаешь, я тебе ни вот настолечко не верю. Ты был убийцей в той жизни, почему тут должно что-то измениться?

- Ну ты-то изменилась, - заметил Ловчий, чем заставил пегаску поджать губы.

Подловил!

И ведь явно знал, о чем говорит, подлец!

- Я начала еще в том мире, - заметила, наконец, Дэш, но аргумент оказался так себе:

- Как и я.

Повисла пауза. Ветер еще разок всколыхнул облака пыли, и пегаска, моргнув, в очередной раз послала мысленное проклятие создателям, что одарили пони такими большими и выразительными глазами. На практике совершенно не нужными и сделанными исключительно для миловидного выражения мордочки.

Потом вдруг вспомнился раздавленный чудовищным чувством вины доктор Хаузер, и стало даже как-то... стыдно.

Проклинать безликую массу биологов из прошлого было совсем не то же самое, что одинокого старика.

Пони помотала головой, отгоняя посторонние мысли и спросила:

- Почему ты думаешь, что вам с Гайкой так надо встретиться?

- Я не смог смириться с прошлым, поэтому и скитаюсь неприкаянным призраком по миру Дорог, а вот у мышки еще не все потеряно. Правда, для этого ей нужна ты.

- Я ей не нужна, - бросила Дэш не очень искренне.

- Нужна, нужна, - Ловчий закономерно уловил фальшь. - Так что если кому и говорить о прошлом с Гайкой Коннорс, так это пегаске-гладиатору, которая стала ее другом.

Дэш осенило. Он знал, кто она. С самого начала знал. Еще там, в кафе.

И это делало его еще опаснее...

- Я многое знаю о тебе, - сказал Ловчий, будто бы прочитавший мысли пони. - В конце концов, мистер М хотел, в случае чего, быстро от тебя избавиться.

Пони сделала над собой усилие, чтобы остаться внешне невозмутимой. То есть, если бы она воплотила тогда в жизнь свою угрозу, то до Плуто бы дело не дошло. Этот Ловчий, скорее всего, сработал бы на опережение, и...

Дэш почувствовала, как копыта зачесались снова расквасить эту самодовольную рожу...

- А чего, кстати, у тебя морда не разбитая? - спросила пегаска совсем не то, что собиралась. - Модификант?

- Модификант. Но все уже успело зажить, сколько времени-то прошло...

- День!

Ловчий сделал паузу, но потом пожал плечами:

- Не важно. Рейнбоу Дэш, Гайка раньше...

- Вообще ни разу не имела намерения ворошить мышиное прошлое, - перебила пегаска. - Захочет - сама расскажет. А от тебя слушать ничего не хочу.

- Не расскажет. Она носит это в себе, терзается чувством вины и прячет под маской профессиональной шпионки. Но на самом деле построила вокруг себя клетку из преступлений, которых не совершала.

- Какое мое дело до чужих комплексов?

Ловчий помолчал, внимательно глядя на пони. Потом сказал, и слова его сопровождал порыв сухого ветра:

- Мне думается, ты сейчас пытаешься врать не только мне, но и себе.

- Но почему я?! - чуть не закричала Дэш, которую слова Ловчего резали по сердцу не хуже ножа.

- Потому что ты ее друг, - повторил тот. - И лишь друг способен облегчить страдания и помочь примирится с прошлым. Друг, а не враг. Поэтому вы идете вместе. И дальше пойдете, иначе прошагай ты хоть целую вечность, по Пути так и не сдвинешься.

Сердцем Дэш понимала, что бывший убийца прав. Но упрямая натура радужной пегаски все же не желала смириться:

- А что, если я просто сейчас запихаю твои же ноги тебе в задницу, чтобы ты больше нас не преследовал?

- Изволь, - кивнул убийца из прошлого, - я не буду сопротивляться. Но ты уверена, что и

вправду этого хочешь?

Дэш прикусила губу.

Она не хотела. Сердилась на этого Ловчего, конечно, но ярость больше не застилала глаза кровавым туманом. А еще ей подумалось, что в точно таком же состоянии она убила когда-то Спитфаер, одну из тех, кому она сама была небезразлична. И о чем успела неоднократно пожалеть, еще в том мире. Даже попутчица Дэш, если подумать, имела сомнительные права выколачивать дерьмо из их преследователя.

- Ты прав, - сказала она, - не хочу. Но если не отстанешь от Гайки, я это сделаю.

- Вы меня больше не увидите, - пообещал Ловчий. - Думаю, наши дороги пересеклись мимолетно, хотя и не случайно... я вообще сомневаюсь в наличии случайностей в пределах этого странного мира.

- Что ты вообще за ком с горы такой? - сварливо осведомилась Дэш. - Почему Гайка тебя боится?

- Убийца, - коротко ответил Ловчий, - но не как ты.

- Это сено я уже слышала, - процедила пони и сплюнула на сторону. - Говори толком, пока я не начала из тебя пыль выколачивать. Благо, пыли много.

- Что тут рассказать? - пожал плечами человек. - Гайка была глазами и ушами мистера М, а я приходил после нее. До поры до времени она даже не знала, что происходит после ее заданий по розыску потерявшихся синтетов.

- Ну ты и мразь, - прорычала Дэш, чувствуя, как в груди снова поднимается волна гнева.

- Мразь? Возможно. Но по мне, так милосерднее было убивать потерявшихся синтетов, чем возвращать их навстречу гневу хозяев. Ты ведь по себе знаешь, каково это?

Дэш словно ледяной водой окатили.

Он знал и это! Рейнбоу вообще начинала думать, что ее, с позволения сказать, личная жизнь, была отнюдь не только между Алексом, ею и периодически заходившим поразвлечься Фрэнком Райтом.

Вспомнив, что ей самой пришлось перенести в качестве наказания за побег, Рейнбоу как будто взглянула на проблему с другой стороны.

- И в какой момент ты рассказал об этом Гайке? - все же спросила пони, посмотрев в глаза убийцы и медленно закипая.

- Ни в какой, - ответил тем временем Ловчий. - Она как-то сама увидела, как я расправился с семьей синтетов, по следу которых шла полиция и которые слишком много знали. Я их освободил.

- Ага, как же. Отправив их на тот свет.

- Я всегда давал возможность выбирать. Всегда. И не было еще такого случая, чтобы синтеты выбрали возвращение к хозяевам... Кроме одного. Исключение, подтверждающее правило.

Рейнбоу озадачилась не на шутку. Возвращаясь в давнее прошлое, что бы она сама выбрала тогда, на окраинах Гигаполиса, когда Алекс Вендар тащил ее, связанную, к флаеру?

Однозначного ответа не было. Да и Рейнбоу тогда была куда мягче и слабее духовно, и вполне могла бы выбрать быструю и милосердную смерть.

Но и просто так взять и пойти делать что-то по рекомендации Ловчего пегаска не собиралась.

Она сказала:

- Окей. Но ты пойдешь со мной и сам все скажешь Гайке.

Ловчий вздохнул и сказал таким тоном, будто говоря с непонятливым ребенком:

- Я тебе все объяснил.

Но Рейнбоу только помотала головой:

- Ты мне ничего не объяснил, а лишь высказал свою точку зрения, после чего решил трусливо ретироваться. Все вы, люди, одинаковы.

- Я синтет, забыла?

- А по мне, так ты самый что ни на есть человек, - отрезала пегаска. - Сделал херню, а после этого решил прикрыться поняшкой, чтобы не отвечать за последствия (В случае со СпитфайрДэш даже прикрываться не стала - и так сойдёт. А Ловчий выглядит сейчас правильнее неё...). Дескать, иди, Рейнбоу Дэш, объясни своей подруге, что я говнюк и извиняюсь перед ней, а самому мне сыкотно в глаза маленькой мышки посмотреть!

Ловчий молчал почти минуту, и Дэш уже собиралась прикрикнуть на него. Но тот снял шляпу и взглянул в огромные и выразительные, как и у всех «хасбровских» пони, глаза.

- Наблюдая за вами в окно, - сказал убийца со взглядом старика, - я видел искренние улыбки и привязанность, которых был лишен раньше. Лишен я их и сейчас. И так останется впредь, потому что это моя ноша. Как и у тебя - своя. Но Гайка зачастую берет на себя вину, к которой не имеет отношения. И, видимо, пытается искупить свою вину здесь. Настоящую либо мнимую. Кто-то должен ей это объяснить.

Но пегаска уже почувствовала слабость собеседника и, встопорщив крылья, перешла в решительное наступление:

- Ну уж нет, дружок. Я поговорю с Гайкой, раз уж вы, идиоты, не даете мне идти своей дорогой. Но после этого с ней поговоришь ТЫ. И никаких возражений, в противном случае я выбью тебе коленные чашечки и дотащу до той гребаной бани, где тебе все равно придется разговаривать с мышью. Это понятно?!

Рейнбоу воинственно ударила копытом, лишь раз пожалев о том, что металлические подковы больше не скребут по асфальту.

- Хорошо, - сказал Ловчий, - видимо, мы и здесь не случайно встретились.

- Кончай разглагольствовать и двигай, - велела Дэш, не желая разводить диспут.

- Не надо далеко идти, - заметил Ловчий. - Баня позади тебя.

Рейнбоу вздрогнула и обернулась.

Действительно, чадающий комплекс возвышался совсем рядом, будто Дэш и не шла, погруженная в раздумья, несколько часов.

- Но я топала черти сколько, - растерянно проговорила пегаска.

- Да, - согласился Ловчий. - Также как и я...

Вскоре две фигуры, человеческая и понячья, двинулись в сторону входа в банный комплекс.

У каждого из них на душе было свое.

Старый убийца думал о том, что понадобилась маленькая радужная пони для того, чтобы взглянуть в лицо своим страхам и чувству вины.

А Рейнбоу Дэш все еще не желала признаваться самой себе, что радовалась поводу вернуться. И даже перемешанный с красной пылью ветер, дующий в спину, как будто подгонял пегаску туда, где осталась такая важная часть ее собственного Пути...

<http://tl.rulate.ru/book/82091/2554371>